

Проф. С. И. Ковалев

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОРОТА III—V вв. В ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

95819

Необходимо приветствовать инициативу редакции ВДИ, открывшей на страницах журнала дискуссию по одному из самых трудных и сложных вопросов как древней, так и средней истории — по вопросу о падении рабовладельческого строя в Римской империи. В порядке этой дискуссии в №№ 2 и 3 ВДИ за 1953 г. и в № 2 за 1954 г. напечатаны статьи Е. М. Штаерман, А. П. Кажда и А. Р. Корсунского. Все эти статьи богаты фактическим материалом и содержат ряд правильных теоретических положений. В частности, Е. М. Штаерман совершенно верно датирует начало общего кризиса римской рабовладельческой системы второй половиной II в. н. э., определяя этот кризис как «коренное нарушение соответствия между производительными силами и производственными отношениями» (стр. 63). А. П. Каждан правильно видит основную тенденцию развития аграрных отношений в Римской империи в «укреплении экономически самостоятельного мелкого хозяйства» (стр. 103). А. Р. Корсунский справедливо подчеркивает относительно большую роль, которую продолжало играть рабство в поздней Римской империи, и своеобразное положение колоннов, как производителей еще рабовладельческого, а не феодального общества. Он правильно замечает: «Таким образом, хотя мы наблюдаем в обществе Поздней империи элементы зарождающейся феодальной собственности, но не имеем оснований считать, что она уже вытеснила рабовладельческую форму собственности, что последняя была в IV—V вв. лишь „пережитком“ ... Все это означало, что формирование нового производительного класса в рамках римского общества периода Поздней империи встречало серьезные препятствия» (стр. 68). Все три статьи стоят на единственно правильной методологической позиции, что переход рабовладельческой формации в феодальную был вызван ростом производительных сил в недрах рабовладельческого общества.

Однако ни Е. М. Штаерман, ни А. П. Каждан, ни А. Р. Корсунский не ставят вопроса о том, в каких понятиях и терминах марксистско-ленинской методологии мы должны определить социальный переворот IV—V вв. н. э. Как совершался переход рабовладельческого общества в феодальное? Можно ли говорить здесь о взрыве, о социальной революции? Если это была революция, то как ее назвать, каковы у нее черты сходства с другими революциями? Постановка этих вопросов обязательна для всякого историка-марксиста. Исследуя такое сложное явление, как крушение Римской империи, мы не можем ограничиться только анализом фактического материала

или частными теоретическими положениями. Здесь необходима общая, ясно высказанная методологическая установка, исходя из которой только и возможно правильно анализировать факты. Игнорирование этого либо может привести к эмпиризму, либо произойдет то, что некое общее методологическое допущение будет положено в основу анализа, но останется не высказанным и даже, быть может, неясным для самого автора.

Подобный случай мы имеем в статье Е. М. Штаерман. В основу ее положено скрытое методологическое допущение, что переход рабовладельческого способа производства в феодальный был социальной революцией. Решающим моментом в ней являлся кризис III в., закончившийся поражением класса рабовладельцев. Движущей силой этой революции были широкие народные массы, ее гегемоном — «класс феодализирующейся земельной знати» (стр. 63). Поэтому социальная революция III в. может быть, по видимому, названа феодальной революцией, аналогичной по своему характеру революции буржуазной.

Постараемся показать, что в основе статьи Е. М. Штаерман лежат именно такие допущения. Мы находим у нее следующие формулировки: «...Растущей и крепнущей формой собственности была собственность земельных магнатов, которая противостояла рабовладельческой собственности...» (стр. 62). «Переломным моментом был так называемый кризис III века, который явился выражением борьбы, с одной стороны, между представлявшей новый способ производства феодализирующейся земельной знатью и социальными группами, связанными с отживающим рабовладельческим способом производства и рабовладельческой собственностью (сословие декурионов и армия)...» (стр. 76). «По видимому, передовым классом при смене рабовладельческого строя феодальным надо считать класс феодализирующейся земельной знати» (стр. 63). «„Кризис III века“ окончился поражением старых рабовладельческих групп. В экономике раба заменяет колон, в политике — империю, представлявшую широкий блок рабовладельцев (принципат), — империя, ставшая органом крупнейших землевладельцев (доминат)» (стр. 77). «... В IV в., когда рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение...» (стр. 60). «Правление Константина было... оформлением победы нового экономически господствующего класса крупных землевладельцев, эксплуатирующих непосредственного производителя, наделенного средствами производства и прикрепленного не к господину, а к земле, т. е. уже не являющегося рабом» (стр. 77). «С начала IV в. уже нельзя говорить о существовании рабовладельческой формации, о классах рабов и рабовладельцев, как об основных, определяющих классах» (стр. 79).

Однако Е. М. Штаерман, по видимому, самой не ясны методологические предпосылки, лежащие в основе ее построения. Отсюда те внутренние противоречия, те недоговоренности и неясности, на которые частично указывает в своей статье А. П. Каждан (стр. 78—79). В части общих выводов Е. М. Штаерман нигде, в сущности, не доводит свою мысль до конца. Так, она говорит о «феодализирующейся знати», о «феодализирующейся собственности», вместо того, чтобы в духе своей концепции говорить просто о феодальной знати и феодальной собственности. Если к IV в. рабовладельческая собственность потерпела окончательное поражение, то термин «феодализирующаяся собственность» явно недостаточен. Если в III в. «борьба между старыми и новыми формами хозяйства» закончилась «победой последних» (стр. 79), то напрашивается естественный вывод, что к IV в. в Римской империи уже сложились феодальные отношения. Однако Е. М. Штаерман такого вывода не делает. Напротив, она констатирует какой-то неясный «переходный период, который наполнен революционными движениями масс, борьбой с пережитками рабовладения, тормозившими развитие ново-

го строя, и оканчивается установлением ранне-феодальных отношений...» (стр. 79). Этот «переходный период», кстати сказать, заимствован у В. С. Сергеева. Мы читаем у него: «Последний период Римской империи является переходным периодом от рабовладельческой формации к феодальной»¹.

В. С. Сергеев и Е. М. Штаерман правы, когда они считают падение Рима социальной революцией, но неправы в определении ее хронологического места. Кризис III в. был только одним из этапов этой революции.

Таким образом, отсутствие ясно выраженных методологических предпосылок приводит Е. М. Штаерман к противоречивым выводам и лишает ее во многих отношениях интересную и ценную статью полной ясности и убедительности.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил был открыт и впервые в наиболее общей форме изложен Марксом: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»².

Здесь Маркс вскрывает общую закономерность развития и смены тех общественно-экономических формаций, историю которых он называет «предисторией человеческого общества»³.

Марксистско-ленинская теория выяснила роль класса-гегемона в переходе одной общественно-экономической формации в другую. «Использование экономических законов, — говорит И. В. Сталин, — всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу»⁴. Класс-гегемон данной революции, захватив политическую власть, создав диктатуру, использует ее для того, во-первых, чтобы сломить сопротивление старых, отживающих классов, и для того, во-вторых, чтобы привести производственные отношения в полное соответствие с производительными силами.

Социальная революция, т. е. смена одного способа производства другим или одной общественно-экономической формации другой, происходит тогда, когда соответствие между производственными отношениями и производительными силами р е з к о нарушено: когда производственные отношения превратились в оковы производительных сил; когда в рамках старой формации развились в с е производительные силы, для которых она давала возможность развития; когда в недрах старого общества созрели в с е материальные условия для появления новых производственных отношений. Это — закон социальной революции, являющийся частной формой закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

¹ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, 1938, стр. 647.

² К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 7—8.

³ Там же, стр. 8.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 49—50.

Для каждой ли общественно-экономической формации применим закон обязательного соответствия и, следовательно, закон социальной революции? В частности, применим ли он для перехода рабовладельческой формации в феодальную?

Это — отнюдь не праздный вопрос, и ставить его — вовсе не значит ломиться в открытую дверь. До самого последнего времени советская историография, объясняя причины общего кризиса Римской империи, стояла на точке зрения абсолютного упадка производительных сил, хотя и не всегда ее высказывала с полной ясностью. Эту точку зрения в скрытой форме мы находим у В. С. Сергеева (ук. соч., стр. 622—643, 647—648), хотя он и говорит о «социальной революции». Это допущение, повидимому, лежит и в основе взглядов Н. А. Машкина¹. Концепция абсолютного упадка производительных сил, как основной причины гибели рабовладельческого общества, получила полное развитие и в работах автора настоящей статьи². Однако более глубокое изучение марксистско-ленинской теории показывает, что допущение абсолютного упадка производительных сил в последние столетия Римской империи является методологически неправильным.

Постараемся выяснить основной вопрос: в какой степени можно говорить о росте производительных сил в рабовладельческой формации в целом? Если такой рост имеет место, то в определенный момент должно наступить несоответствие между рабовладельческими производственными отношениями, т. е., иначе говоря, рабовладельческой собственностью и производительными силами. Выяснить характер и уровень развития этих сил и степень этого несоответствия и значит установить общие предпосылки для перехода рабовладельческой формации в феодальную.

Производительные силы общества, как известно, состоят из двух элементов — из орудий производства и людей, приводящих в движение орудия производства и осуществляющих производство материальных благ благодаря производственному опыту. Антагонистические способы производства (рабство, феодализм, капитализм) содействуют развитию производительных сил только до ограниченного и сравнительно невысокого уровня. Относительно же рабства иногда ставят вопрос, развиваются ли при нем вообще производительные силы. Технический уровень античности был относительно весьма низок. В античном производстве не применялись машины, за исключением их простейших форм (мельниц); в период классической Греции существовал чрезвычайно примитивный ткацкий станок с вертикальной основой; общеизвестна низкая техника разработки Лаврийских серебряных рудников в Аттике с их несовершенными плавильными печами, оставившими в шлаке большой процент серебра, с их грубыми орудиями, ручным подъемом породы и т. д.

Однако уже эллинистическая техника делает значительный шаг вперед. Эллинистическое текстильное производство использовало египетский горизонтальный ткацкий станок Нового царства с тремя и четырьмя ремнями, что давало возможность ткацким мастерским птолемеевского Египта изготовлять сложные узорные ткани. Торсионные металлы в конце III в. до н. э. достигли такого совершенства, что римляне, например, должны были отказаться от взятия Сиракуз штурмом и перейти к длительной осаде (Polyb., VIII, 5/7—7/9). Высоко стояла техника эллинистического морского дела, если судить по размерам, оснастке и вооружению судов, по применению сухих доков (Athen., 203e—204d, 206d—209b) и т. д. Хорошо известны гидравлические сооружения и приборы эллинистического периода: винтовой насос Архимеда, насос Ктесибия и др.

¹ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, 1949, стр. 583—589, 611—615, 629—634.

² С. И. К о в а л е в, История Рима, 1948, стр. 650—657.

Однако только в римский период техника рабовладельческого общества, широко использовавшая технические достижения эллинизма, достигла высшей ступени. Повидимому, время ее расцвета нужно датировать I в. до н. э. — первой половиной II в. н. э., т. е. концом республики — началом империи. Об этом говорят прежде всего литературные свидетельства. У Цезаря (BG, IV, 17—18) мы находим описание знаменитого деревянного свайного моста через Рейн, построенного в течение 10 дней. Интересно сравнить с ним каменный мост через Дунай, сооруженный приблизительно через 160 лет после моста Цезаря. «Траян построил каменный мост через Истр, — пишет Дион Кассий. — ...Мост состоит из 20 быков, сделанных из тесаных камней, высота их 150 футов (ок. 45 м. — С. К.), не считая фундамента, толщина — 60 (ок. 18 м. — С. К.). Эти быки, расположенные друг от друга на расстоянии 170 футов (ок. 50 м. — С. К.), соединены арками...» (68,13). Витрувий дает описание сложного блока (полиспаства), аппаратов для поднятия воды (тимпанов), для измерения расстояния, пройденного экипажем (прототип современного таксометра) и др. (X, 2, 1—3; 4, 1—2; 9, 1—4). Витрувий же (X, 5) и Плиний Старший (XVIII, 97) описывают водяную мельницу, появившуюся, вероятно, впервые в Малой Азии при Митридате (Strabo, XII, 556). В I в. н. э. водяная мельница стала распространяться и на западе, о чем говорит одна эпиграмма эпохи Августа (Ant. Pal., IX, 418).

В конце республики движение вперед обнаруживает даже сельскохозяйственная техника, обычно наиболее консервативная. Появляется колесный плуг, о котором Плиний пишет, что он «недавно» был изобретен в Реции (XVIII, 172). Во всяком случае, по сравнению с известным этрусским плугом VI в. до н. э. колесный плуг Плиния представляет большой прогресс. Плиний описывает также сельскохозяйственную машину, напоминающую жнейку (XVIII, 296).

В ремесленном производстве разделение труда в отдельных случаях доходило до высокой степени. Так, Плиний рассказывает, что металлические инкрустации для мебели, изготовляемой в Помпеях, привозились из Капуи, ножки для кушеток, на которых лежали во время еды, делались на о-ве Делосе. Канделябры составлялись из двух частей: нижняя изготовлялась в Таренте, верхняя — в Эгине (XXXIV, 11).

На все это можно возразить, что литературным источникам не всегда следует доверять, что они часто преувеличивают, в особенности — в описании различных технических «чудес», что описание какого-нибудь отдельного сооружения или аппарата вовсе еще не говорит об их широком распространении. Все это верно. Но ведь литературные свидетельства в ряде случаев подтверждаются памятниками материальной культуры. Амфитеатр Флавиев есть несомненный факт, так же как и набор замечательных хирургических инструментов, найденный в Помпеях. Техническое совершенство и прочность римских акведуков, мостов, шоссейных дорог, триумфальных арок, просуществовавших почти 20 столетий, совершенство предметов домашней обстановки, украшений, инструментов говорит о весьма высоком уровне римской ремесленной техники I в. до н. э. — I в. н. э.

В ранней империи был открыт и широко применялся ряд новых технических приемов. Повидимому, в I в. н. э. в Финикии был открыт способ изготовлять стекло посредством дутья, вместо старого способа формовки. В Галлии также, повидимому, в I в. н. э. изобрели латунь (сплав меди с цинком) и лужение посуды оловом.

На основе этих технических успехов высокого расцвета в I—II в. достигает промышленное развитие римских провинций, особенно Галлии. Стекольное производство, появившееся в I в. в Лугдуне (Лионе), широко распространяется по всей Галлии и даже проникает в южную Англию. Позднее

центром стеклоделия становится Colonia Agrippina (Кельн). Высокого развития достигает в Галлии латунное производство. Галльские изделия из латуни успешно конкурируют с кануанской бронзой и вытесняют ее с рынков северной Европы. Достаточно хорошо известны и многие другие факты, подтверждающие высокое развитие ремесленного производства в римских провинциях периода ранней империи.

Но как объяснить появление высоких технических достижений в условиях рабовладельческого производства, при тех специфических особенностях рабовладельческой эксплуатации, которые, казалось бы, делали невозможным всякий технический прогресс? Это объясняется, во-первых, тем, что как раз в эллинистическую и римскую эпохи, наряду с применением труда рабов, в ремесле широко применялся труд свободных. В Риме большое развитие получил отпуск рабов «на оброк» (пекулий), что было одним из средств повышения производительности труда. Далее, системой поощрения рабовладельцы могли добиваться довольно высокой производительности труда у отдельных групп рабов, главным образом, квалифицированных ремесленников. Наконец, многие технически совершенные сооружения рабовладельческого периода были построены солдатами, т. е. свободными людьми.

Однако это не меняет дела. Кто бы ни были те люди, руками которых создавались предметы и сооружения, поражающие нас своим техническим совершенством, остается кардинальный факт: в рамках рабовладельческой формации до определенного момента происходил технический прогресс, т. е. совершалось развитие производительных сил — орудий труда и способов труда, трудовых навыков.

Для наших целей особую важность представляет вопрос, до какого момента в рабовладельческом обществе происходил этот технический прогресс? Точнее, можно ли в период общего кризиса римской рабовладельческой системы, который начинается приблизительно во второй половине II в. н. э., говорить об упадке производительных сил, и если да, то чем он был вызван? Конечно, во многих проявлениях материальной и духовной культуры кризис Римской империи сказался отрицательным образом. Оставляя в стороне сложные вопросы идеологии, остановлюсь только на вопросе о регрессе в области техники в широком смысле этого слова. Несомненно, например, что начиная с IV в. наблюдается упадок в области искусства. Достаточно вспомнить рельефы на арке Константина с их неправильными пропорциями человеческого тела, мозаики времени Юстиниана и т. д. Однако упадок художественного вкуса и художественной техники еще не говорит об упадке производительных сил вообще. Конечно, в обстановке грандиозного кризиса, разрушившего рабовладельческое общество и вместе с ним Римскую империю, производительные силы, в частности их техническая сторона, не могли не испытывать упадка. Однако не следует этот упадок преувеличивать и придавать ему абсолютный характер.

Выше мы отмечали описание римской «жнейки», оставленное Плинием Старшим. Палладий (Rr., VII, 2,2—4), римский писатель, живший около середины IV в. н. э., описывает ее снова и гораздо подробнее, чем Плиний. Точность и детальность его описания не оставляют сомнения, что Палладий действительно наблюдал это интересное сельскохозяйственное орудие. В области ремесленного производства то разделение труда, какое мы наблюдали в I в. н. э., продолжает, если верить Августину, существовать на западе еще в конце IV — начале V в., по крайней мере у серебряных дел мастеров (CD, VII, 4).

Наконец, памятники IV—VI вв. отнюдь не свидетельствуют об упадке строительной техники поздней империи. Та же самая арка Константина, рельефы которой говорят о падении художественного вкуса, технически

выполнена не хуже своих предшественниц из более ранних периодов. Храм св. Софии, построенный в Константинополе в VI в., не только не свидетельствует об упадке строительного дела, но является высшим достижением античной архитектуры. Аналогичных примеров можно было бы привести много.

Таким образом, и при рабовладельческой формации имело место развитие техники. Равным образом, мы не можем говорить об абсолютном упадке производительных сил на поздних этапах рабовладельческого общества. Относительный же упадок был связан с переходом одной общественной системы в другую. В данном случае этот упадок был больше, чем при других социальных революциях, так как был связан с завоеванием римской территории соседними племенами, завоеванием, являющимся одним из важнейших моментов перехода рабовладельческой формации в феодальную.

Обратимся теперь к другому элементу производительных сил: к людям, к трудящимся массам, которые являются движущей силой производственного процесса. Развитие орудий труда неразрывно связано с ростом тех, кто употребляет эти орудия, и эта связь осуществляется через посредство производственного опыта, трудовых навыков, которые служат как бы мостом, соединяющим оба элемента производительных сил. Не требует особых доказательств, что качественный рост основной рабочей силы рабовладельческой формации — раба — был поставлен в весьма узкие рамки благодаря характеру рабовладельческой собственности и вытекающему отсюда характеру эксплуатации.

Рабовладельцы, правда, старались улучшить производственную квалификацию своих рабов. Плутарх говорит, что «Катон владел большим количеством рабов, причем из числа военнопленных покупал малолетних, т. е. в том возрасте, когда они, подобно щенкам или жеребяткам, легко могут поддаваться воспитанию и дрессировке» (Cato Maior, XXI); Красс за обучением рабов «надзирал сам, внимательно наблюдая, давая указания и вообще держась того мнения, что господину прежде всего надлежит заботиться о своих рабах, как о живых орудиях хозяйства» (Plut., M. Crass., II). Однако это обучение касалось только небольшой группы относительно квалифицированных или малолетних рабов и отнюдь не распространялось на всю рабскую массу, условия эксплуатации которой в общем допускали только применение самых примитивных орудий труда. Здесь совсем иная картина, чем при капитализме, где рабочий класс в целом растет вместе с развитием техники производства.

Таким образом, для развития рабочей силы в рабовладельческом обществе оставался только один путь — путь количественного роста. При специфическом характере общего воспроизводства рабов это воспроизводство рабочей силы имело определенные границы, за которые оно не могло переступить и которые определялись, с одной стороны, внутренней крепостью рабовладельческого строя, а с другой — сопротивлением окружающей племенной среды. Экспансия Рима, а следовательно, и приток новых рабов, значительно сокращается с эпохи империи. Благодаря этому проблема общего воспроизводства рабочей силы стала приобретать для Рима поистине трагический характер.

Этот вопрос был тесно связан с другим — с аграрным кризисом Италии, который начал проявляться еще в конце республики. Весь этот сложный комплекс проблем наиболее дальновидные рабовладельцы пытались решить путем замены рабства свободной арендой. Этот путь наметил еще Колумелла в середине I в. н. э. (De agricult., I, Proem., I — 3,7). Однако путь, указанный Колумеллой, не решил проблемы. Об этом свидетельствует переписка Плиния Младшего. Полвека, истекшие со времени написания трактата Колумеллы, не принесли никакого улучшения. В ряде писем Плиний,

как за 50 лет до этого Колумелла, отмечает наличие аграрного кризиса в Италии (III, 19; II, 4, 15; IV, 6; VI, 3; X, 8). Положение с колонами обстоит из рук вон плохо. Найти подходящих новых арендаторов трудно (VII, 30). Что касается старых колонов, то их недоимки растут. Экономически они чрезвычайно маломощны. Они принуждены брать ссуды у владельцев земли под залог своего инвентаря. Продажа его кредитором временно погашает долг, но зато разоряет колона. Возрастающая с каждым годом задолженность лишает колонов всякой бодрости и уверенности в будущем. Колоны впадают в отчаяние, перестают заботиться об уплате своих долгов. Производительность их труда падает, они не щадят инвентаря и расхищают урожай, полагая, что для себя им все равно нечего беречь. Плиний готов был бы дать в помощь колонам рабов, но их нет в округе. Он считает, что единственным выходом был бы отказ от денежной аренды и переход на аренду из части урожая (III, 19; IX, 37).

Таким образом, по сравнению с временем Колумеллы мы находим значительное ухудшение. Те явления, которые в середине I в. только намечались, теперь получают дальнейшее развитие: производительность труда снижается, доходность сельского хозяйства падает, количество рабочих рук (в частности рабов) уменьшается, население нищает. Колоны все больше попадают в экономическую зависимость от владельцев земли.

Эта экономическая зависимость в течение II и III вв., как известно, перерастает в закабаление, которое, начиная с IV в., фиксируется имперским законодательством. Это был совершенно закономерный процесс. Свободный труд — в форме ли свободной аренды или свободного ремесла, или мелкой земельной собственности — не мог возродиться и удержаться в обстановке гибнущего рабовладельческого общества, рядом с крупной земельной собственностью, под давлением все усиливающегося налогового гнета. Закрепощение свободных арендаторов было неизбежно в условиях поздней рабовладельческой системы.

Навстречу закрепощению колонов шло «раскрепощение» рабов. Рост пекулия и вольноотпущенничества, превращение рабов в «псевдоколонов», некоторое улучшение их правового положения — все это явления, говорящие о смягчении формы рабовладельческой эксплуатации в последние столетия Римской империи.

Что же можно сказать об эволюции рабочей силы в рабовладельческом обществе? И в этом вопросе рабовладельческая формация не является исключением в ряду других. Так же, как мы констатировали выше известный технический прогресс в рамках рабовладельческой системы (хотя и ограниченный историческими рамками), так мы должны признать и известный рост другого элемента производительных сил — рабочего. Этот рост выражался не в количественных показателях, так как к концу Римской империи не только уменьшается количество рабов, но падает и цифра населения вообще. Следовательно, речь может идти только о качественном росте, т. е. о развитии производственных навыков, увеличении производительности труда и т. д. И этот рост имел место, так как переход от раба к колону (беря колонов в широком смысле — и истинных колонов и рабов, посаженных на землю, т. е. псевдоколонов) является процессом раскрепощения, освобождения рабочей силы, т. е. ее качественного роста.

Однако этот процесс в рамках рабовладельческой формации не мог зайти сколько-нибудь далеко. Уже картина, нарисованная Плинием Младшим, говорит о чрезвычайно бедственном положении колонов, о ничтожной производительности их труда — вообще о низком уровне сельскохозяйственного производства Италии в конце I — начале II в. н. э. В дальнейшем положение трудящихся масс Римской империи становится все тяжелее. Политическая надстройка рабовладельческого общества — римское госу-

дарство, стремясь задержать распад своего экономического базиса и свою собственную гибель, доводит до крайнего истощения платежные силы населения. Все это тормозит развитие рабочей силы, дальнейший процесс ее освобождения.

Важно установить, с какого времени в Римской империи начинает обнаруживаться несоответствие между производственными отношениями и производительными силами. В Италии оно ясно выступает с I в. н. э., а частично и раньше, с I в. до н. э., с восстания Спартака, которое нанесло сильнейший удар рабовладельческому хозяйству. Что же касается провинций, то там несоответствие стало обнаруживаться не раньше второй половины II в. н. э.

Римские рабовладельцы делали попытки привести производственные отношения в соответствие с производительными силами. Колонат, вольноотпущенничество, пекулий и были такой попыткой создания новых производственных отношений. Однако эти попытки, как мы видели, не дали и не могли дать никаких прочных и длительных результатов. Для перестройки производственных отношений и приведения их в соответствие с производительными силами нужна прежде всего победа революционного класса. Но в позднеримском обществе не было п о д л и н н о революционного класса. Таким классом не могли быть ни рабы, ни колонны. Не организованные, без ясного классового сознания, без сколько-нибудь определенной программы действий, они были способны только на стихийные восстания. Хотя падение римского общества протекало в формах ожесточенной классовой борьбы, но в ней не было победителей: она окончилась «...общей гибелью борющихся классов»¹. В этом основная специфика социальной революции, положившей в Риме конец рабовладельческому обществу и создавшей предпосылки для общества феодального.

Совершенно очевидно, что здесь не может быть речи о ф и з и ч е с к о й гибели борющихся классов. Сколь ни велики были потрясения III—V вв. н. э., сколь ни крупны человеческие потери в результате восстаний, варварских вторжений, голодовок и эпидемий этого периода, они не могли уничтожить классов как таковых. Погибал определенный, часто очень большой, процент рабовладельцев и рабов, но как классы рабовладельцы и рабы должны были оставаться. Следовательно, под «общей гибелью борющихся классов» нужно понимать другое: исчезновение в процессе борьбы самих классов как социальных категорий.

Здесь возможно сделать следующее допущение. В рамках рабовладельческого общества победа эксплуатируемых классов исключалась. Следовательно, классовая борьба была бесперспективной, выливаясь в длительный ряд восстаний, их подавлений, новых восстаний и т. д.² Такое положение вещей могло длиться неопределенно долгое время — вплоть до того момента, когда борющиеся классы исчезают и сменяются другими классами. Тогда и старые формы классовой борьбы исчезают, сменяясь новыми формами. Но это уже означало падение старой общественно-экономической формации и появление новой.

Одновременное отмирание классов рабов и рабовладельцев было вызвано разложением рабовладельческого способа производства, рабовладельческой формы собственности. Появление вместо централизованного рабо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1953, стр. 32. В этом месте «Манифеста» речь идет, несомненно, о падении античного рабовладельческого общества.

² Тезис о том, что классовая борьба в рабовладельческом обществе не имела перспектив, не означает, конечно, что она не была революционной: нанося непрерывные удары рабовладельческому обществу изнутри, она в огромной степени ускоряла его гибель.

владельческого латифундиального хозяйства мелкого, фактически самостоятельного хозяйства колонов и квазиколонов (см. ст. А. П. Каждана) и означало разложение рабовладельческого способа производства и появление предпосылок феодального способа производства.

Проследим на памятниках IV—V вв. заключительный этап эволюции колонов. Еще в знаменитом указе 332 г. колонов, замышляющих бегство, хотя они формально считаются свободными, дозволяется заключить в оковы, как рабов (СTh, V, 9, 1). Различие между рабом и колоном все больше исчезает. Так, указ 364 г. по отношению к императорским рабам и колонам гласит: «Рабы и колоны, а также их сыновья и внуки, или вообще кто бы то ни был из тех, кто из наших владений тайно перешел на различные службы, должны быть возвращены, даже если бы они находились на военной службе (CI, XI, 68,3)». Статус потомства рабыни и колонки считается одинаковым (CI, XI, 68, 4). «Какая разница между рабами и колонами (adscripticios), — спрашивает законодатель, — если тот и другой находится во власти господина, который может освободить раба с его цекулием, а колона удалить вместе с землей из своего владения?» (CI, XI, 48,21 — указ Юстиниана 530 г.).

Таким образом, колонат в условиях еще существующего рабовладельческого общества неизбежно и стихийно принимал рабовладельческую форму, несмотря на то, что рост производительных сил требовал новых производственных отношений. И такие отношения, так же стихийно и неизбежно, прорывались в рабовладельческой системе. Если положение колона все более приравнивалось к положению раба, то, с другой стороны, положение раба все более приближалось к положению колона. Ульпиан со ссылкой на Лабейона утверждает, что раб, работающий в поле на положении колона (quasi colonus), не входит в инвентарь имения (Dig., XXXIII, 7, 12, § 3). В указе Валентиниана, Валента и Грациана читаем: «Как оригинариев, так и сельских, внесенных в список рабов, ни в каком случае нельзя продавать без земли» (CI, XI, 48, 7).

Но если колоны превращались в рабов, а рабы в колонов, то соответствующий процесс должен был иметь место и в антагонистическом классе рабовладельцев: из рабовладельцев они превращались в «колоновладельцев», т. е. в собственников земли, владевших, вместе с землей, и прикрепленными к ней колонами. Подобно тому, как в последние столетия Рима шел процесс отмирания класса рабов, шло и отмирание класса рабовладельцев.

Однако в этом отмирании были семена новой жизни: как колоны являлись «предшественниками средневековых крепостных» (Энгельс), так и земельные магнаты поздней империи были предшественниками средневековых феодалов.

Таким образом, отсутствие в рабовладельческом обществе подлинно революционного класса, класса-гегемона, являлось причиной того, что в классовой борьбе III—V вв. не было победителей (если не считать таковыми варварские племена), что она окончилась общей гибелью борющихся классов, т. е. отмиранием обоих основных классов рабовладельческого общества¹.

Из этой основной черты вытекают и другие особенности революции III—V вв. С восстанием рабов и колонов тесно переплетались вторжения племен, окружавших Римскую империю. С началом общего кризиса рабовла-

¹ Отмирание классов в поздне рабовладельческом обществе не означало отмирания классовой борьбы. Как было замечено выше, она принимала другие формы, но не становилась менее напряженной. Только полное завоевание западной половины империи варварами на некоторое время ослабило ее интенсивность.

дельческой системы во второй половине II в. н. э. совпадает начало массовых вторжений в Римскую империю «варваров». Эти вторжения заканчиваются полным захватом западной половины империи варварскими племенами. Такое совпадение было не случайно. Во-первых, кризис ослабил военный потенциал Рима и сделал его относительно легкой добычей окружающих племен. Во-вторых, у этих последних как раз в первые столетия новой эры шел интенсивный процесс классового образования и консолидации племенных союзов, что облегчало задачу военного захвата Рима. В-третьих, отсутствие класса-гегемона в революции III—V вв. делало невозможной сколько-нибудь успешную оборону Рима¹. Наоборот: римские рабы и колонны всячески помогали варварам, что объясняет необычайную легкость и быстроту проникновения варварских племен на территорию Рима в V веке.

Таким образом, Западная Римская империя пала в результате двойного удара — изнутри и извне. Впрочем, в советской исторической науке этот вопрос освещен достаточно полно, и я могу не останавливаться на нем подробнее.

Второй особенностью социальной революции III—V вв. является тот факт, что феодальные отношения в Западной Европе сложились далеко не сразу после крушения рабовладельческого общества. Нужен был длительный срок (Энгельс определяет его в 400 лет), чтобы из материальных предпосылок и зародышей феодализма сложились подлинные феодальные отношения. «Между римским колонном, — говорит Энгельс, — и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. „Бесполезные воспоминания и тщетная борьба“ гибнущего римского мира уже умерли и были погребены. Общественные классы IX века сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации. Новое поколение — как господа, так и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития»².

Однако перед нами встает основной вопрос: имеем ли мы право назвать переворот III—V вв. социальной революцией? Переворот, в котором отсутствовала диктатура революционного класса, в котором огромную роль играл внешний момент — так называемое варварское завоевание, переворот, результаты которого (феодальные отношения) проявились несколько столетий спустя?

Теория социальной революции марксизма-ленинизма сложилась на материале двух революций — буржуазной и пролетарской. В этих революциях совершенно отчетливо выступают все черты социальной революции: смена способа производства, острая классовая борьба, перерастающая в гражданскую войну, победа революционного класса и его диктатура, приведение производственных отношений в соответствие с характером и уровнем производительных сил. Таковы черты развитой, зрелой социальной революции. Но ограничивается ли исторически социальная революция ее развитыми формами?

Анализ того первого и основного определения социальной революции, которое дал Маркс в предисловии «К критике политической экономии», не оставляет сомнения в том, что он понимал под социальной революцией

¹ Наличие классов-гегемонов в буржуазной и в пролетарской революциях дало возможность победоносной защиты их от разгрома иностранными оккупантами.

² Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1950. стр. 161.

в с я к у ю смену общественно-экономических формаций, в с я к у ю смену способов производства, вызванную резким несоответствием производственных отношений характеру и уровню производительных сил. Однако совершенно очевидно, что эта смена протекает различно, в зависимости от того, какие именно общественно-экономические формации, какие способы производства сменяют друг друга. В различных формациях имеется разный уровень производительных сил и ведут борьбу разные антагонистические классы с различной степенью классового сознания. Очевидно, чем выше уровень производительных сил и чем выше классовое сознание, сплоченность и энергия революционного класса, тем более высокая форма социальной революции имеет место. Поэтому исторически наиболее развитой, высокой и типичной социальной революцией является социалистическая революция.

К ранним и, следовательно, менее развитым и менее типичным революциям принадлежит революция III—V вв. в Западной Римской империи¹. Выше были указаны те специфические черты, которыми отличается эта революция. Они вытекают из основного факта: низкого уровня развития революционных классов — рабов и колонов, соответствующего низкому уровню производительных сил рабовладельческого общества. Рабы и колоны не могли победить в классовой борьбе III—V вв. и создать революционную диктатуру. Отсюда — историческая необходимость внешнего завоевания, довершившего ликвидацию рабовладельческого общества и государства, отсюда — позднее оформление нового способа производства.

Подведем итог. Социальный переворот III—V вв., положивший конец Западной Римской империи, по своим существенным чертам был социальной революцией. Эта революция не имела класса-гегемона и носила деструктивный характер. Поэтому ее можно определить только как а н т и р а б о в л а д е л ь ч е с к у ю с о ц и а л ь н у ю революцию и нельзя ставить на одну доску с буржуазной и социалистической революциями, имеющими конструктивный характер. В ряду социальных революций прошлого она принадлежит к типу ранних.

---

¹ Я оставляю в стороне Восточную Римскую империю, где процесс смены формаций, при общем сходстве с Западной империей, имел некоторые особенности.